

АРМЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПРОЗЕ С. ГОРОДЕЦКОГО

ЮРИИ ДАРОНЯН

Трудно переоценить заслуги видного русского поэта и писателя Сергея Городецкого (1884—1967) перед Арменией и ее многовековой культурой. В этом смысле его имя стоит в ряду таких имен, как М. Горький, В. Брюсов, Ю. Веселовский. Более того, С. Городецкий не только не повторяет своих предшественников и современников, но в ряде случаев превосходит их по тому месту, какое занимает армянская тематика в его многообразном творчестве—в поэзии, художественной публицистике и прозе. Пожалуй, никто из русских писателей начала XX в. не изобразил так широко и глубоко, впечатляюще последствия трагических событий 1915 г. в Западной Армении, как С. Городецкий. Отмечая суровую правду жизни, отображенную в сборнике стихов С. Городецкого «Ангел Армении» (Тифлис, 1918), А. В. Луначарский писал: «...Там, в желтой, испеченной солнцем Армении, израненной человеческим зверством», возникают произведения, которые «болезненно сжимают сердце читателя».¹ Это в равной мере относится не только к «армянским» стихам С. Городецкого, но и к его публицистике и прозе об Армении.

В апреле 1916 г., в разгар мировой войны, С. Городецкий, будучи корреспондентом газеты «Русское слово» и уполномоченным Всероссийского Союза городов (СОГОР), отправляется на Кавказский фронт. В Тифлисе молодой поэт, друг А. Блока и С. Есенина, знакомится и сближается с Ованесом Туманяном, занятым судьбой армян-беженцев. По его совету С. Городецкий выезжает в Западную Армению—в Ван и другие города и села, где еще видны были следы варварского истребления армянского населения. И вот здесь, в обгащенной «огнем и кровью» стране, в мировоззрении поэта, увлеченного символизмом и акмеизмом, оторванного от реальной жестокой действительности, наступает переломный момент, о котором он скажет в своей автобиографии «Мой путь»: «...Видя нищету и разорение, собирая сирот на дорогах, где белели затоптанные в прах кости армянского народа, я начал освобождаться от империалистических иллюзий».² Здесь, в разоренном и опустошенном Ване, он впервые познал подлинный смысл «огромного лика войны», ее антигуманистический характер.

С. Городецкий трижды совершал поездки в Западную Армению,

¹ «Литературное наследство», т. 74 («Из творческого наследия советских писателей»), М., 1965, с. 46.

² «Советские писатели. Автобиографии», в 2-х томах, т. 1, М., 1959, с. 326. Далее ссылки на эту автобиографию даются в тексте: «Мой путь».

результатом чего явились, помимо упомянутой книги стихов «Ангел Армении», его публицистические статьи и очерки, составившие цикл «В стране ручьев и вулканов», печатавшийся в 1916—1917 гг. в газетах «Русское слово» и «Кавказское слово».

Нельзя не заметить внутреннюю связь между циклом стихов «Ангел Армении» С. Городецкого и его «ванскими» корреспонденциями. Да это и вполне понятно: ведь они писались одновременно, по свежим следам трагических событий «в стране ручьев и вулканов». В них ощущается тревожный пульс времени, их связывает единая тема многострадальной Армении. Они проникнуты восторгом перед ее древней и неповторимой культурой, жгучей скорбью за боль народа, верой в обретенные им свободы и человеческого счастья.

При чтении «армянских» стихов и очерков С. Городецкого порой трудно бывает определить, что чему предшествовало. Вот отрывок из первого очерка «Разоренный рай», написанного вскоре после возвращения поэта из Вана: «Как нестерпимо грустно было выезжать в Ван весной, в годовщину его взятия русскими войсками! Словно в *нежных хлопьях снега* или в *жемчужных ожерельях*, стояли все сады в цвету. Красавицы-ветки всюду просовывались в развалинах, обвивали их и осыпали лепестками... Смерть, не стесняясь, показывала свои язвы. Всюду на улицах лежали втоптаные в землю тряпки, остатки одежды убитых...»³. Это поистине проза поэта! Выделенные нами фразы прочтываются словно прозаический «подстрочник» к стихотворениям С. Городецкого «Ван», «Сад» и «Руки девы». Для сравнения приведем несколько строк из них: «Вдыхаем огненное горе над *разоренным раем*, Ваном», «Сад весенний, *сад цветущий*», «Вот деревья вновь убрались в *белый цвет*», «Ветвь беря я *снеговую*», «В *саду жемчужном* иду во мраке», «Сияют руки в *цветенье белом*».

Иногда в путевых очерках С. Городецкого «прозаическая» речь прерывается стихами. Так, в «Золотом вечере», описывая озеро Вараг, неподалеку от Вана, автор, не удержившись, пишет стихами:

Теней сиреневые пятна
 Покрыли розовый Вараг.
 И лишь одно мне непонятно:
 Что значит злое слово враг?.. (с. 40).

Но если в стихах С. Городецкого контрастировались в основном цветущая природа и гибель людей, разрушенные очаги, то в очерках для усиления этого контраста, наряду с живописными пейзажами, писатель увлеченно рассказывает об историческом прошлом Армении, ее многовековой культуре, с чем не посчитались турецкие янычары. Так

³ С. Городецкий, Об Армении и армянской культуре, составление, предисловие и комментарии И. Р. Сафразбекия, под редакцией акад. АН Арм. ССР Г. Б. Габриджаняна, Ереван, 1974, с. 25. Далее цитаты из произведений и писем С. Городецкого, за исключением специально оговоренных, приводятся по этому изданию с указанием в тексте страниц.

сталкиваются враждебные друг другу понятия—цивилизация и варварство, духовность и бездуховность. «Каждый камень, каждый профиль горный дышит древней жизнью, полон легенд и воспоминаний,—писал С. Городецкий в очерке «Голубые берега».—Какое богатство духа, какая красота природы!» (с. 31). И вдруг—погром: «Непоправимое несчастье, несмыываемый позор, бессильный гнев за оскорбление души человеческой» («Разоренный рай», с. 23)—вот первые ощущения, которыми «одарила» его встреча с Ваном, с некогда столицей могущественного государства на Древнем Востоке—Урарту. Варвары посягнули на самый дух человека. «Всегда закрытый действенно стройный цветок лотоса—душа человеческая,—говорит С. Городецкий,—была передо мной в изуродованном, исковерканном виде, какой придает ей война». И для усиления своей мысли он прибегает к мифологическому сравнению: «Я воочию видел Психею, едва живую от стальных объятий войны» («Голубые берега», с. 31). В образе страдающей, мучающейся Психеи, олицетворяющей человеческую душу, С. Городецкий воплотил израненную Армению, явившуюся укором для всего мира. Глядя на ужасающие картины истерзанной страны, он говорил: «Ваша совесть навсегда больна, ибо такие избиения ложатся на совесть всего человечества, тени армянских мучеников носятся над всей землей» («Храм Ормузда, Христа и Аллаха», с. 43).

Но дух человеческий неистребим, утверждал С. Городецкий: «И все же—в том спасенье мировой жизни—беспомощные дети, цветы и озера были сильнее армии и пушек», «во мне и вокруг меня жил другой, огромный и прекрасный, как нескончаемая поэма, мир» («Спящие вулканы», с. 26). Один из своих очерков С. Городецкий так и назвал—«Жизнь неукротимая».

Этим оптимизмом проникнут цикл «В стране ручьев и вулканов», несмотря на весь трагизм описанных событий. Так С. Городецкий утверждал философскую мысль о вечности бытия, поэтической красоте мироздания, нерасторжимой спаянности человека и природы, которые вечны.

Когда-то Иван Бунин в поисках, по его словам, сочетанья прекрасного и вечного в этом мире совершил несколько путешествий в страны Ближнего Востока (в том числе и в Турцию) и написал цикл очерков «Тень птицы» (1908). Величественной истории этих стран он противопоставлял печальное настоящее. Стамбул окружен полями мертвых, скорбно говорил писатель. Он даже думал назвать книгу о своих путешествиях по Востоку «Поля Мертвых». Спустя годы в рассказе «Петлистые уши» (1916) устами своего героя И. Бунин возмущенно спрашивал: «Мучаетесь вы, когда читаете, что турки зарезали еще сто тысяч армян?...»⁴.

О таких полях мертвых писал и С. Городецкий в своих «ванских» очерках. Как и И. Бунин, он не мог равнодушно взирать на все некро-

⁴ И. А. Бунин, Собр. соч. в 9-ти томах, т. 4, М., 1966, с. 391.

поли и кладбища мира. Как и Бунин, он не мог равнодушно пройти мимо «Поля Мертвых» сотен тысяч армян, ставших кровавыми жертвами тибериев XX в. «...Царство армян,—писал С. Городецкий,—передовой пост христианства, погибло в неравной борьбе с Востоком. Ван—его царственная могила...» («Разоренный рай», с. 25). В очерке «Город призраков» читаем: «Ван—могила. Ван—беспредельное кладбище. Это город мертвых. Было больше ста тысяч жителей. Осталась только память о них» (с. 32—33). С трепетным восторгом рассказывал он об урартском «золотом» веке Вена с его изумрудным озером и скалой—любимым местом красавицы царицы Семирамиды. «И все, что нагромодила Турция на этом гребне,—добавляет автор,—казармы, погреб, минаретик,—разрушенное и развороченное взрывом,... кажется ненужным хламом» («Древности Вана», с. 37).

В представлении С. Городецкого разрушения величественного прошлого, стремление варваров уничтожить историческую память человека—трагический разрыв, нарушающий преемственность движения: будто время остановилось, а значит, и прогресс. «Варагский» очерк начинается словами: «...Здесь нет времени!» («Золотые вечера», с. 39). Вокруг покой и тишина—вечные вулканы, безмолвные развалины, безлюдье. Это «безвременье» губительно: оно исключает возможность жизни.

В статье «Безвременье» (1906) А. Блок, остро ощущавший потрясения, которыми чреват XX в., писал: «...Самое время остановилось. Радость остыла, потухли очаги. Времени больше нет».⁵ Здесь время подразумевалось в широком историческом плане: в мире оборвалась нить времени—всюду губительный покой и сумрак.⁶ Этот образ «остановившегося» времени также угнетал сознание С. Городецкого, как и его друга—А. Блока, и обретал, помимо философско-символического, и конкретно-зрительные очертания, чаще всего в виде застывших, спящих вулканов: «Вековая тишина чувствуется в природе...» («Жизнь неукротимая», с. 45—46). Но это зловещая тишина, и в этом—драматизм земного бытия, так ярко показанный в «ванских» очерках.

Уже первые впечатления от пограничного селения ранили поэта в самое сердце: «Развалины не страшны... Но страшна память страданий, причиненных человеком человеку.—Не на войне! На войне не страшит страдание. Невыносима мысль, что сотни тысяч мирных, беззащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям, тончайшим пыткам тела и духа...» («Разоренный рай», с. 23). Со всех сторон его обступала «трагическая элегия» погрома—развалины сел, обожженные деревья, несобранный хлеб, наглое всронье, засохшие сады, толпы беззащитных беженцев: «Я был уже груб сердцем к тем дням от впечатлений войны, но, когда горное солнце озарило беженцев, я не мог удержаться, и слезы хлынули у меня из глаз. Я вдруг понял, что

⁵ А. Блок, О литературе, М., 1980, с. 25.

⁶ Л. К. Долгополов, Александр Блок, Л., 1978, с. 78—79.

значит народное бедствие. Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, а моя служба превратилась в служение» («Жизнь неукротимая», с. 48). Поэтому цикл «В стране ручьев и вулканов» — это не бесстрастные заметки путешественника и наблюдения, а произведения, исполненные высокой любви и сострадания, восхищения красотой природы и древней культурой армянского народа. Отсюда ослепительная яркость красок, особенно в пейзажах, в которых слились поэт и художник. Но даже и он бессилён воссоздать полностью все это многообразие красок, цветов. «Утром я открыл глаза от острого алого света: это Арарат засверкал еще невидимым солнцем. Куда-то на землю, по обе стороны ее, убегала тьма, растворяясь в зеленой лазури. Вся основа вулкана была грузно-лиловая, а пояс рыже-теплый, а грудь и вершина такие ясно-алые, что ни коралл, ни сибирский рубин, ни перышко фламинго не пойдут в сравнение. Бесчисленные полотна художников хотят передать этот утренний розовый плащ Арарата — и нет силы» («Спящие вулканы», с. 27). Под пером поэта и кистью художника будто оживает природа с ее неповторимой красотой. Подобно А. С. Грибоедову, С. Городецкий создает «вариации» на тему библейской горы: «мудрой седой головой подымался надо мной Арарат», «обетование вечного мира было в ослепительной улыбке Арарата»; «долина вся голубая — бирюзовый пьедестал Арарата», и т. д. А вот описание Арчака: «Ярко-синим треугольным лоскутком сверкает между горами Арчак — тихое озеро»; «Арчакское озеро — прелюдия Ванского, — милое, изящное, воздушное, в плывущей, как панорама, рамке гор», «аквамариновое озеро лежало в зеленой раме пастбищ». У него озеро Ван, — «сапфиристо-синее», Вараг — «лилово-малиновый», Сипан — «оранжево-золотой», заря — то «рубиновая», то горит «пламенным иконостасом». Какая богатая палитра!

В очерке «Древности Вана» С. Городецкий признавался: «...Моей целью не является утомить мозг читателя датами и именами. Я хочу его заставить полюбить Ван и почувствовать всю девственную силу ванских древностей» (с. 36). Совершая экскурсии в далекое прошлое, он проявляет хорошее знание истории Армении, ее материальной и духовной культуры — памятников старины, литературы, искусства, фольклора, творчества народных умельцев — строителей храмов и обработчиков дерева, меди и серебра.

Перелистывая летопись исторических судеб Армении, С. Городецкий замечал: «История иногда вдруг устаёт от грандиозного и громоздкого, ей надоедают такие громады, как Египет, Ассирия и Вавилон. Ей хочется изящного и небольшого. Тогда она шутя, на несколько веков создает маленькие царства. Таково было Ванское царство... Страна по-ассирийски называлась Наирй, что значит: «струна ручьев» («Разоренный рай», с. 24). Он сообщает, что когда-то величавый красавец Ван радовал путников своими «райскими» садами, монументальной архитектурой. Побывав до этого в Италии (в 1912—1913 гг.), С. Городецкий сравнивал ванские древности с античными памятниками: «...Помпея по сравнению с Ваном — детская игрушка. Огромный Колизей, внутри которого в сред-

невековые жил целый городок,—и он уступит в грандиозности ванским сооружениям, если их представить по обломкам такими, какими они были. Даже Форум, величайшая из толкучек мира, скученностью и теснотой своей слишком напоминаящий о человеческих делах, поблекнет перед стихийной простотой ванских скал-городов» («Древности Вана», с. 37). Может быть, поэтому при чтении «итальянских» стихов С. Городецкого, в отличие от «ванского» цикла стихов и очерков, отдает холодом? По справедливому замечанию С. Машинского, «итальянские» стихи не согреты сердцем поэта, они описательны, в них «мысль поэта эмпирически фиксирует общеизвестные приметы пейзажа страны, ее истории и культуры».⁷ Да и сам С. Городецкий в том же очерке «Древности Вана» признавался, что туристы в Италии «летают мимо памятников, не поднимая глаз» от гида (с. 36). Зато с каким поэтическим вдохновением описывал он увиденное в Армении! Он настолько был увлечен памятниками Вана, что даже хотел принять участие в раскопках, проводимых там Н. Я. Марром и И. А. Орбели. Но С. Городецкий не идеализировал седую старину и «райские» времена Вана, о котором гласит древняя пословица: «На небе рай, на земле Ван». Он понимал, что дворцы и храмы, выдолбленные в скалах,— дело рук простых тружеников, и «души рабов вопиют из этих сооружений» (с. 24). Говоря о том, что ванская архитектура относится к тем далеким временам, когда человеческое искусство продолжало творчество природы, С. Городецкий добавлял: «Этот признак—близость к природе—глубоко трагичен: он результат того обстоятельства, что ванские древности созданы трудом рабов. Десятки тысяч людей трудились над созданием этих памятников, и никакой гид не передаст того, что вы чувствуете, различая следы ударов молота на отвесных скалах» («Древности Вана», с. 36—37). Так глубоко изучал русский писатель «каменную» летопись Армении. Он фиксировал не внешние приметы, а те чувства и мысли, которые рождались в нем при соприкосновении с неведомым краем.

Особое внимание С. Городецкого привлек армянский фольклор. И здесь сказалась давняя привязанность поэта к устному народному творчеству, получившая яркое отражение уже в первой его книге «Ярь» (1906), поставившей ее автора в ряд известных поэтов того времени. С. Городецкий считал, что сама природа древней Армении способствовала формированию поэтического мироощущения народа, населяющего эту удивительную страну. «Древний человек был поэтом,—писал он,—он мыслил образами. Его глаз искал человеческих форм: в облаках, несущихся над озером, ему чудились боги, такие же, как он: в скалах, нагроможденных вулканами, он читал повести, подобные тем, какие он сам переживал.—Древний обитатель Васпуракана имел особые данные быть поэтом: все было вокруг него красиво... Такая природа не может не рождать песен и сказок» («Город призраков», с. 32). Вот почему

⁷ Сергей Городецкий, Стихотворения и поэмы, предисловие С. И. Машинского, Л., 1974, с. 29.

С. Городецкий в своих «ванских» очерках с такой любовью рассказывает об армянских легендах и мифах, в частности об Ара Прекрасном и Шамирам (Семирамиде) и, в особенности, о легенде «Двери Мгера» из эпоса «Давид Сасунский». В Ване он услышал трогательную легенду о юноше и девушке, которые, вопреки церковному закону и «во славу вечному закону любви», соединили свои сердца, не обменявшись кольцами у алтаря, за что их покарил бог, обратив влюбленных и их ребенка в камень. «Такая поэма скал встретила меня у ворот Вана»,—заканчивает свой печальный рассказ автор очерка «Город призраков» (с. 33).

С теплотой описывает С. Городецкий встречи с чудом уцелевшими от погрома армянами. Гостеприимно встречали они русского посланца, протянувшего им руку помощи. В селении Артамет его привели в дом крестьянина. «Нас усадили. Хозяин вынес огромное блюдо, укрытое лавашом и заставленное сверху тарелками с сыром, луком, пловом и травами. Как это было картинно! И как вкусно...» («Жизнь неукротимая», с. 46—47). Как это напоминает нам эпизод из «Путешествия в Арзрум», в котором рассказывается о радушии, с каким встречали Пушкина местные армяне!.. «Ключьями разоренного быта» называет С. Городецкий в том же очерке одинокие армянские семьи, в которых на фоне общего разорения народ «видел как бы символ своего будущего воскресенья, надежду на жизнь и спасенье» (с. 47). Он описывает сельскую свадьбу, куда его пригласили. Убогий дом, холод осенний ходит в комнатах, но молодожены счастливы. И он поёт гимн жизни: «Жизнь не ждет, не прекращается, не останавливается, не опаздывает, ей все равно, она сильней всего, она сама во всем. Она неукротима» (с. 47—48).

В те дни С. Городецкий написал стихотворение «Под северным небом» (1916), которое заканчивалось пророческими строками:

Не таю заветной думы,
 Не боюсь своей мечты:
 Стран всемирных мрак угрюмый
 Озаришь, Россия, ты!⁸

Эту веру в «озаряющую» миссию России С. Городецкий выразил и в своей публицистике. Очерк «Разоренный рай» (1916) завершают слова: «Замученная, маленькая Армения ждет дуновения жизни от великой России.—Прошлое тяжело. Настоящего нет. Есть только будущее, и чувство будущего—надежда» (с. 25). С. Городецкий радовался тому, что и он был причастен к этому будущему Армении. Покидая навсегда Ван; он писал: «...Я вез будущее Армении: шесть фургонов детей. Боже, какая это всеискупляющая радость—море детских голов, гроздь черных детоких глаз, лесок загорелых рученок!.. Какая это настоящая радость! Ведь в этих маленьких птенцах—семена всей будущей жизни страны... В ряду других народов-мучеников ярко сверкает имя Армении Воскресающей...» («Ночной отход», с. 50—51).

⁸ Сергей Городецкий, Стихотворения и поэмы, с. 442.

В конце апреля 1919 г. С. Городецкий по приглашению «Литературно-художественного общества» посетил Ереван для чтения публичных лекций⁹. Одна из них, «Тени Вана», была посвящена рассказу о его поездке в Западную Армению. Судя по краткому сообщению в местной печати,¹⁰ в основу его лекции легли очерки из цикла «В стране ручьев и вулканов». Время пребывания С. Городецкого в Ереване совпало с трудным периодом, который переживала Армения, названная в тот период Е. Чаренцом страной «смерти и мглы» («Всепоэма»). Некоторые характерные приметы времени отразились в цикле очерков С. Городецкого «Путешествие в Эривань», опубликованных в майских номерах «Кавказского слова» за 1919 г., вскоре после возвращения их автора в Тифлис.

В середине 20-х гг. С. Городецкий, уже будучи в Москве, приступает к работе над трилогией «Восточный эпос». По замыслу автора, она включала в себя три небольших романа—размером от 10 до 12 листов каждый. Он начал со второй части—романа «Алый смерч», в котором показаны эпизоды из первой мировой войны на Кавказском фронте и в момент февральской революции 1917 г. Параллельно С. Городецкий писал первую часть трилогии, оставшуюся незавершенной,—роман «Сады Семирамиды»—«о гибели населения Турецкой Армении и о крушении националистических надежд тогдашних вождей этого многострадального народа, воскресшего только при советской власти» («Мой путь», с. 326). В третьей части («Черный город»), видимо, должны были отразиться бурные события в Закавказье 1919—1921 гг.—в период пребывания писателя в «черном городе»—Баку.

Начиная с 1924 г. и до конца жизни С. Городецкий с увлечением трудился над «ванской эпопеей»—романом «Сады Семирамиды» (первоначальное название—«Семеро из Вана»). Живя в Москве, он собирал материалы для книги, обращался за помощью к своим армянским друзьям. Так, в письме от 10 ноября 1928 г. к Акопу Акопяну он просит его прислать книги и материалы, относящиеся к трагическим событиям 1915 г. (с. 193).

Вскоре после Великой Отечественной войны московский переводчик С. Бархударян взял у С. Городецкого четыре главы романа «Сады Семирамиды» («Семеро из Вана»), чтобы напечатать их в Армении. В письме от 26 сентября 1946 г. к дочери Ов. Туманяна—Нвард Туманян автор интересуется судьбой этих глав, которые почему-то не были напечатаны (с. 188).

В 1970 г., готовя к изданию сборник «С. Городецкий. Об Армении и армянской культуре», внучка Ов. Туманяна—литературовед Ирма Сафразбекян обнаружила в архиве покойного писателя отредактированный экземпляр первой части романа «Сады Семирамиды» и впер-

⁹ См. об этом подробнее: Ա ն ու շ ա վ ա ն Ջ ա ք ա Ր յ ա ն, Սերգի Գորգեջկին նրբվանում (1919 թ. ապրիլ) (ՀՍՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», 1981, № 6, էջ 53—64),

¹⁰ «Փողոզուրդ», 11. V. 1919.

вые опубликовала ее в журнале «Литературная Армения».¹¹ Спустя два года роман был издан в Польше в переводе В. Домбровского и И. Левандской.

Так, уже после смерти С. Городецкого, вышел в свет его роман «Сады Семирамиды», замысел которого возник у автора задолго до издания произведения известного австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней горы Муса» (1933)—о героической самообороне армян у горы Муса (в Зейтунской области). И хотя роман С. Городецкого уступает ему, он ценен прежде всего своей документальностью, свидетельством очевидца, потрясенного увиденным, отчего «Сады Семирамиды» нельзя читать без волнения.

Еще в дореволюционное время С. Городецкий обращался к жанру прозы, к которому он перешел от своих «рассказов в стихах». Его ранние рассказы и повесть «Сутуловское гнездовье» (1915)—о старой русской деревне—были близки к очерковой литературе своим детальным изображением быта. Порой прозаическому произведению С. Городецкого предшествовал его стихотворный «вариант». В 1925 г. он пишет поэму «Беспризорный», высоко оцененную А. В. Луначарским, а через несколько лет на ее основе—повесть «Где правда?». В той же творческой манере создавался и роман «Сады Семирамиды». Он вырос из поэтического сборника «Ангел Армении», публицистического цикла «В стране ручьев и вулканов» и даже мемуарных очерков и статей (в частности, об Ов. Туманяне). Поэтому трудно определить жанр романа «Сады Семирамиды». В нем есть некоторые черты исторической романистики (в книге изображены реальные события и лица), но более всего роман тяготеет к публицистической, документальной прозе. Отсюда очерковость, эскизность, отсутствие обычного романного сюжета и сквозного действия.

Опубликованная часть романа «Сады Семирамиды» состоит из семи глав—эпизодов, напоминающих очерки из «ванского» цикла, являющихся своего рода эпизодами, зарисовками для большого полотна. На эту эскизность и очерковый характер повествования указывают и названия глав: «Один из тысяч», «Уход», «Дом Саркиса», «Генерал-ревизор и его спутники», «Парон Костя», «Генерал-патриарх», «Новоселье». Отсутствие сюжета и сквозного действия привело к тому, что в «Садах Семирамиды» нет, по сути, главного героя, на котором держалось бы повествование. И даже Пахчан, более или менее полно обрисованный, не может претендовать на эту роль, поскольку и рассказ о нем часто прерывается. Судя по первоначальному заглавию романа («Семеро из Вана»), он и задумывался таким—о судьбе семерых ванцев. Но в процессе работы автор уточнял свой план, стремясь к более широкому, эпическому повествованию и обобщению. Отсюда окончательное название

¹¹ «Литературная Армения», 1971, №№3, 4. Благодаря усилиям И. Р. Сафразбекян, «армянский» архив С. Городецкого (в том числе и рукопись романа «Сады Семирамиды») через дочь писателя поступил в Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца в Ереване.

романа—«Сады Семирамиды», со страниц которого встает образ Армении—цветущей и страдающей, как во времена ассирийской царицы. При этом следует учесть, что «Сады Семирамиды»—часть трилогии «Восточный эпос». И все же в написанных главах «ванского» романа автор «в плену» своих очерков и статей. Видимо, эта скованность и затрудняла его работу над романом, так и оставшимся в рукописи. К тому же прошло много времени и возвращаться к событиям полувековой давности было нелегко.

Впрочем, трудно судить о незавершенном произведении. Как и всякий нереализованный замысел писателя, роман «Сады Семирамиды» заслуживает также внимания, поскольку он расширяет наши представления об интересе С. Городецкого к Армении, с образом которой он не расставался с того дня, когда впервые ступил на каменистую почву этой древней страны.

Путь беженцев, мучительный и изнурительный, составляет основное содержание романа «Сады Семирамиды». Образ людской лавы, растекшейся по всей стране, как символ всенародного бедствия, проходит через весь роман, окрашивая его в скорбные тона.

В людском потоке несчастных беженцев писатель высвечивает отдельные лица, показывая их как бы крупным планом. Это смелый повстанец Вагаршак и его девятилетняя беременная сестренка Анаид, изнасилованная турками (о ней и стихотворение «Ребенок» из цикла «Ангел Армении»). Это народный учитель Ашот, питомец Варагского монастыря, ставший воспитателем и кашеваром для детей сирот. Это старик Саркис, единственный уцелевший дом которого стал прибежищем повстанцев Вана. У него жила и сестра Пахчана—красавица Шамирам, пока ее не увели озверевшие курды. Полумертвую девушку подобрала одинокая старуха и укрылась с ней в заброшенной части Вана. И приходит тайком к Шамирам ее Тигран, но она не узнает любимого юношу: она приняла его за насильника и перед ее помутившимся взором возникли кошмарные видения... Это одна из сильных сцен в романе. К тому же имя Шамирам (Семирамида), перекликающееся с названием романа, обретает символическое значение—как образ поруганной родины, пребывающей во мраке и ждущей своего исцеления и спасения.

В роман «Сады Семирамиды» С. Городецкий вводит сына Ованеса Туманяна—Артавазда, молодого поэта и драматурга, и его друга студента Мосьяна, в лице которых показаны патриотические силы передовой армянской интеллигенции, борющейся за освобождение многострадальной Армении. Артавазд в романтическом угаре, он полон поэтического вдохновения, он готов отдать «всего себя своему народу и, если нужно, погибнет, молодой и сильный, без слез и страха, без жалоб и сожаленья» (с. 133). Но вскоре романтические иллюзии молодого поэта рассеиваются, столкнувшись с суровой действительностью, как рассеиваются иллюзии и самого автора романа, впервые попавшего на фронт.

О дальнейшей судьбе Артавазда мы узнаем из мемуаров С. Горо-

децкого об О. Туманяне. В конце 1916 г. в Ване, оставленном русскими войсками, скрывалось несколько смельчаков, среди них был и Артавазд. Все они погибли в рукопашном бою с налетевшей бандой янычар. Но Ов. Туманян все еще надеялся, что сын его жив и просил С. Городецкого, направлявшегося в 1917 г. в третью поездку в Ван, собрать сведения об Артавазде. Увы, в мертвом городе С. Городецкий никого не нашел. «Несколько одичавших, еще ютившихся в развалинах нищих ничего не могли рассказать. Горькую весть я привез Ованесу Фаддеевичу»,—с грустью вспоминает он (с. 89).

Еще в романе «Алый смерч», изданном в 1929 г., С. Городецкий изобразил процесс разложения царской армии на Кавказском фронте в годы империалистической войны. Эта тема затронута им и в романе «Сады Семирамиды». Писатель показывает неоднородность в среде русского офицерства и генералов, часть из которых разуверилась в царя и стала понимать всю пагубность и бессмысленность войны. На Кавказском фронте такие офицеры и генералы стремились помочь армянскому народу, попавшему в пучину бедствий и страданий. С. Городецкий рисует простых русских солдат, которые полны сочувствия к армянам.

Мысль об освободительной миссии России и жизнестойкости народов проходит лейтмотивом через весь роман «Сады Семирамиды». Народ не теряет веры в спасение, в счастливое будущее. В заключительной главе романа («Новоселье») описана деревенская свадьба как символ возрождения страны (та самая свобода, о которой рассказано в очерке «Жизнь неукротимая»).

К «Садам Семирамиды» тесно примыкает роман «Алый смерч». С. Городецкий показывает напряженную военно-политическую и международную обстановку, сложившуюся на Кавказском фронте в 1916—1917 гг., в частности на одном из главных направлений—ванском. В этой связи затрагивается и «армянский вопрос», решаемый по-разному разными государствами, общественно-политическими течениями. С. Городецкий с гневом осуждает политику империалистических кругов с их бесчеловечной идеей: «Армения без армян!» С горькой иронией пишет по этому поводу автор романа: «Она (эта «идея»—Ю. Д.) достаточно исправно проводилась в жизнь и наполовину уже осуществилась: провокация национальной резни между горцами-курдами и долинными земляпашцами-армянами, внезапные фиктивные отступления, беженство и гибель многотысячных масс—уже основательно очистили турецкую Армению от армян, покрыв трупами весь путь от русского Игдыря, через Сувалан и Бегри-Калу к Ванскому озеру... Турецкая Армения была уже почти без армян...».¹²

Бредовым «идеям» империалистов-колонизаторов противопоставлены взгляды демократически настроенной русской интеллигенции. В их числе герой романа—петербургский врач Иван Петрович Ослабов, который с удостоверением Союза городов участвует в походе русских войск

¹² Сергей Городецкий, *Алый смерч*, М.—Л., 1929, с. 8.

на Кавказском фронте. В его облике нетрудно заметить черты самого С. Городецкого. Войну он воспринимал «как некую ужасную, еще неизвестную ему разновидность раз навсегда данного общего человеческого горя», как хаос, смерч, разрушение, и он верил в то, что вело к «гармонии». ¹³ С этих общегуманистических позиций рассматривает Ослабов трагические события в Западной Армении, как и все происходящее на фронте, и его охватывает смятение души. Однако весть о февральской революции в России, сближение с армейцами-большевиками постепенно раскрывают ему глаза на подлинный, империалистический характер войны, помогают ему выйти из духовного кризиса. Центральный эпизод романа—описание яркой картины алого смерча в Урмийском озере, обретающего символическую, идейно-эмоциональную значимость.

Говоря о восточных мотивах в поэзии И. Бунина, А. Блок отмечал, что «у Лермонтова был свой Восток, у Полонского—свой и у Бунина—свой; настолько живо, индивидуально и пышно его восприятие». ¹⁴ То же самое можно сказать и о С. Городецком: и у него был свой Восток—не экзотический, а реальный, хотя ему, как и Бунину, не чужда была экзотика красок. В мемуарном очерке об Ов. Туманяне он признавался: «Все экзотическое восприятие Востока, которое—скрывать не стану—повлекло меня на Кавказ, а не в Галицию, которую я тоже жаждал освободить, сгорело в пестрых лохмотьях народа, уходящего с родины. И Восток впервые предстал предо мной таким, каким он был не в мечтах, а в жизни» (с. 81).

В лучших традициях русской литературы написаны произведения С. Городецкого об Армении. И как дань уважения к большому другу армянского народа явилось издание в 1980 г. его сборника «Об Армении и армянской культуре» на армянском языке (в переводе А. Сагияна, П. Севака, С. Хачатуряна и др.). Произведения С. Городецкого на армянские мотивы не потеряли своей идейно-художественной ценности и в наши дни.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ Ս. ԳՈՐՈՂԵՑԿՈՒ ՀՐԱՊԱՐԱԿԱՆՈՍՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ ԵՎ ԱՐՁԱԿՈՒՄ
ՅՈՒՐԻ ԴԱՐՈՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ի մ

Ռուս նշանավոր բանաստեղծ Սերգեյ Գորոդեցկին (1884—1967), լինելով «Ռուսակոյն սլովո» թերթի թղթակից և քաղաքների միութիան աշխատակից, 1916—1917 թթ. շրջագայում է Արևմտյան Հայաստանում: Դրա արդյունքը եղան «Գետակների ու հրաբուխների երկրում» ակնարկաշարը և «Հայաստանի հրեշտակը» (Թիֆլիս, 1918) բանաստեղծությունների ժողովածուն, որոնք տպագրվեցին «Ռուսակոյն սլովո» և «Կավկասկոյն սլովո» թերթերում: Ավելի ուշ Ս. Գորոդեցկին գրում է «Շամիրամի այգիները» վեպը, որն անավարտ մնաց: Այդ ստեղծագործություններում պատկերված են 1915 թ. ողբերգական իրադարձությունների հետքերը: Դրանք տողորված են ժողովրդի տառապանքի նկատմամբ այրող ցավով և ազատություն ու մարդկային երջանկություն ձեռք բերելու հավատով: Հայաստանի մասին Ս. Գորոդեցկու երկերը պայծառ էջ են ուս—հայ դրական և մշակութային կապերի պատմության մեջ:

¹³ Там же, с. 39, 48.

¹⁴ А. Блок, О литературе, с. 76.